

Война и революция

В год столетия революции в России, второй русской Смуты, много было сказано в православно-патриотической среде о ее внутренних и внешних причинах. К внутренним причинам принято относить разложение имперской аристократии и бюрократии, предательство в высшем правящем слое, стремление к власти крупной российской буржуазии, падение религиозности в народных массах, господство революционных настроений в интеллигенции. К внешним причинам относят широкий международный заговор еврейских банкиров и масонских лож, субсидировавших революционные партии и национал-сепаратистов. Поскольку факторов указано много, и все они имели место (хотя бы в какой-то мере), то любой историк, пытающийся осмыслить всю их совокупность, выделяет главное, на его взгляд. Так, «конспирологический» подход решающим считает заговор мировых банкиров, а «историософский» взгляд рассуждает об анафемах, под которые попала Русская Армия, Русская Церковь и весь народ за то, что не покалялись перед староверами или «имяславцами», Распутиным и т.п. Такие обобщения содержат в себе рациональное зерно и объясняют нечто из причин революционной катастрофы. Но, игнорируя целые пласты исторических фактов, они не могут воссоздать и целостной картины.

Между тем, история, как наука, сначала устанавливает непреложные факты, и лишь затем пытается выстроить между ними причинно-следственные цепочки. В этом отношении всякий историк вначале ведет добросовестное следствие, «допрашивая» свои источники, т.е. показания современников, свидетелей и участников событий. Затем, как психолог, он старается понять мотивацию самих свидетелей, их взгляды, интересы, и вытекающую из всего этого их достоверность. В отношении разных свидетелей приходится вводить разные «коэффициенты искажения». Но совсем игнорировать некий «сектор свидетельств» на том основании, что эти свидетели не разделяли историософский взгляд самого историка, - это значит сознательно исказить историческую картину и заниматься мифотворчеством.

По поводу эпохи, предшествовавшей революции, в частности о Первой мировой войне, сохранилось огромное количество материалов, которые были изданы в последние годы. На наш взгляд, именно в эти материалы следует вникнуть более пристально, чем это обычно делается, - и тогда вся картина предстанет более полной и цельной.

Если посмотреть на предыдущие три столетия русской истории после первой Смуты, то мы увидим, что почти все перечисленные выше факторы имели место уже тогда и, однако, не привели Россию к катастрофическому исходу. Аристократия времен царя Алексея Михайловича, Петра I, Екатерины II, или Александра I, была ли в своей массе более патриотичной и самоотверженной, более преданной монархам, менее корыстной и властолюбивой, чем их потомки времен Николая II? – Очевидно, что нет. Народные массы, то бунтовавшие с Болотниковым, с Разиным, с Булавиным и Пугачевым, то бегавшие от государственных повинностей по окраинам и раскольничьим скитам, - были ли они более лояльны к монархии и господствующей церкви, чем их потомки, жившие в 1917 году? – тоже нет. Масонские ложи, проникшие в Россию еще в начале XVIII века, еще с тех пор вели работу по ее разложению, но не смогли этого сделать, ни в XVIII, ни в XIX веке. Проклинаемая правыми авторами за свои левые убеждения русская интеллигенция, как показала мировая война, была в немалой части и единственной носительницей сознательного русского патриотизма, честно воевала и погибла на фронтах Мировой и Гражданской войны.

Современники революции в своих воспоминаниях говорят о решающем факторе мировой войны в деле разжигания революции. Революция была невозможна в 1913-14 гг, и стала возможной через три года затяжной и неудачной войны. Так же, как и первая революция в России не могла бы даже начаться в 1903 г и стала возможной через пару лет из-за поражения в японской кампании.

Подобное было и на Западе. Парижская коммуна стала возможной только после поражения наполеоновской империи во франко-прусской войне в 1871 г. Да и самой французской революции 1789 г предшествовала череда неудачных войн (за испанское наследство, за австрийское наследство, Семилетняя война). Ответственность за которые легла на французскую монархию.

Неудачная война всегда ставит под вопрос компетентность руководства страны. Если, по выражению Бонапарта «проигравшие армии были на самом деле побеждены еще до того, как были разбиты на полях сражений», то и побежденные правители отвечают перед страной и историей за неподготовленность к войне, за поражения и потери, за неумение вовремя заключить компромиссный мир, исключаящий полное поражение. С самых древних времен и у всех народов проигравшее войну руководство или само уходило в отставку, как в республиках Греции и Рима, или устранялось насильственно, как в восточных деспотиях. Относительно долго и благоразумно мог править только тот правитель, кто был умелым в войне или дипломатии, но на обоих направлениях умел принести успех своей стране. Как минимум, избежать больших провалов. А неудачники долго не правили нигде. Неудача правителя воспринималась малорелигиозными людьми, как следствие его некомпетентности и неспособности, а глубоко верующими – как признак отсутствия на правителе благословения Божия. Кстати, и сам титул императора, принятый некоторыми европейскими монархиями от римлян, означал у последних победоносного полководца, провозглашенного таковым своими легионами после победы.

Победоносная война всегда снимала многие внутренние проблемы государства. Она приносила не только трофеи и контрибуции, новые территории, отодвинутые рубежи, укрепление безопасности страны, экономические и торговые льготы, но и чувство морального удовлетворения у народа, сознание того, что принесенные жертвы не были напрасны, что дети победителей будут долго пользоваться выгодным миром. Проигранная война везде оставляла в народе горечь от напрасных жертв и национального унижения. Победоносная война всегда укрепляла национальное единство, сглаживала сословные противоречия. Проигранная война всегда обостряла внутренние болезни государства, разжигала классовую и партийную рознь. Начинался поиск виновных в поражении, а также предателей и лиц, нажившихся на войне, часто заканчивающийся междоусобицей. Таков опыт почти всех государств в истории.

Учитывая все это, многие правители для укрепления своих режимов часто желали провести «маленькую победоносную войну»: маленькую по затратам и потерям, победоносную – по результатам. Но такие желания довольно редко осуществлялись. Чтобы война оказалась победоносной и славной, да еще и над примерно равным противником, она требовала максимального напряжения от государства, искусства в управлении от правительства и больших жертв от мотивированной армии и народа. Теория оптимизации говорит, что получить максимальный результат при минимальных затратах вообще невозможно, можно получить или минимум затрат или максимум в результате, - и это только в лучшем случае. В реальной истории чаще случались большие и не победоносные войны. Например, известно, что накануне Японской войны некоторые сановники Российской империи высказывали желание провести «маленькую победоносную» - для укрепления внутреннего режима. Но для ее подготовки и проведения ничего толком сделано не было. Война получилась большая и проигрышная, и дала результат, обратный тому, на который надеялись. Подобное произошло и десять лет спустя в Мировой войне.

Британский военный историк Лиддел Гарт отмечал, что Первая Мировая качественно отличалась от всех предыдущих войн, которые знала история. Армии противостоящих коалиций исчислялись миллионами солдат, фронты протянулись на сотни километров, сражения длились по несколько месяцев, потери исчислялись десятками тысяч убитых и раненных, порою за один день. Профессиональные кадровые армии сгорели в огне боев за первые полгода войны, им

на смену пришли миллионы мобилизованных обывателей – фактически, народные ополчения. По выражению Лиддел Гарта, если раньше нации были подобны зрителям в цирке, которые сидели на трибунах и болели за своих «гладиаторов», то теперь всем зрителям пришлось выйти на арену в качестве бойцов.

Мировая война стала серьезным испытанием для всех наций, в ней участвовавших, их патриотической мотивированности, жертвенности, готовности терпеть лишения войны, сплоченности перед лицом внешнего врага. Одни нации выдержали это испытание, другие, в т.ч. и мы, русские – нет.

Огромные по масштабам и разнообразию задачи организации обороны страны легли на правительства стран-участниц войны. Одной главной цели – победе, следовало подчинить все: и формирование армии, и ее снабжение, и перевод всей экономики на военные рельсы, и поддержание внутреннего порядка, и внешнюю политику. Одни правительства, хотя и с трудом и не полностью, смогли решить эти задачи – и победили, а другие не смогли – и проиграли.

При этом, как отмечает Лиддел Гарт, именно в первую мировую войну лидерами Антанты были применены методы, называемые сейчас «гибридной войной». Кроме обычных военных действий и шпионажа против врага применялись и иные меры: полная экономическая блокада, международная изоляция, масштабная информационная война, разжигание социальных протестов и национальной розни, диверсии и восстания в тылу противника, использование политической оппозиции в стане неприятеля от революционеров до пацифистов, ослабляющих патриотизм. Применялось разнообразное давление на руководство вражеской стороны с целью вызвать пораженческие настроения.

Лиддел Гарт убедительно показал, что собственно на полях сражений Антанта не выиграла войну у Германии (боевые потери немцев в большинстве сражений были в два раза меньше, чем у союзников). Но она истощила страны Центрального блока и внушила их руководству мысль о капитуляции раньше, чем положение стало бы безнадежным. Слабым звеном стали верхи Германии и Австрии, раньше других заразившиеся пораженчеством. В России тоже верхи, в т.ч. придворные круги не верили в победу и по ходу войны впадали в панику даже при ограниченных по размеру неудачах. Против монархий, германской, австрийской и особенно русской, мировой закулисой велась активная, целенаправленная пропаганда. Она била в уязвимое место, противопоставляя монархизм и патриотизм, интересы правящей династии противопоставляя общенациональным интересам, разжигая революцию не только под социальными лозунгами, но и под лозунгами патриотизма. Лишившийся поддержки значительной части патриотически настроенных подданных монархизм становился исключительно слабым. Сами монархи в значительной степени дискредитировали себя тем самым фактом, что не смогли предотвратить столкновение между собою. Затем они не смогли стать национальными лидерами в тяжелой войне, объявленной ими самими отечественной. Утратив поддержку патриотического крыла своих народов, монархи были свергнуты в результате заговоров.

Не нужная для России, вынужденная война

Монархисты-германофилы были категоричны и столетие назад, как и сейчас: императорской России война с Германией была совершенно не нужна. Ссылаются, например, на докладную записку министра внутренних дел Дурново, поданную имп. Николаю за полгода до начала войны, в которой содержался однозначный вывод: интересы России и Германии нигде не пересекаются. Примерно то же утверждали бывший министр иностранных дел Ламсдорф и другие сановники. В этом утверждении было много правды, но не вся правда.

Исторически партнерство России и Пруссии началось со времен Петра I и продолжалось с перерывами почти полтора столетия, принимая иногда форму военного союза, например, во времена Наполеоновских войн и позже в рамках Священного Союза монархов первой половины XIX века. В целом это партнерство было выгодным для России, пока она была «старшим братом» по отношению к маленькой Пруссии, составлявшей менее четверти всей Германии. При этом русские цари противились объединению германских княжеств. Энгельс с возмущением писал, как в 1849 г император Николай I вызвал в Варшаву германских князей, решивших объединиться, и отменил их решение. Вышло почти по А. Грибоедову: «он в три шеренги вас построит, а пикнете, так мигом успокоит».

Объединение Германии вокруг Пруссии в 1870 г, после громкой победы над Францией, в корне все изменило: Германия стала Вторым Рейхом (Первым Рейхом считается империя Гогенштауфенов XI-XIII в), т.е. империей с качественно новой силой и новыми амбициями. Имея в союзниках Австро-венгерскую империю Габсбургов Второй Рейх претендовал теперь на полное господство в Европе. Политика «железного канцлера» Бисмарка разрушила прежний равноправный союз трех монархов, превратив его в союз двоих, германского и австрийского против российского. Бисмарк, избегая прямого конфликта с Россией, не упускал ни одного случая к ослаблению ее позиций. В результате такой политики: нажима со стороны Германии и уступок со стороны России «ради монархической солидарности», - Германия к началу мировой войны доминировала на Балканах, превратив в своих сателлитов Турцию, Болгарию и Румынию. Последние две, как известно, были обязаны своим освобождением от турецкого гнета именно России. Германская и австрийская разведка активно поддерживала украинских, финских и других сепаратистов внутри самой Российской империи. С середины XIX века среди германской общественности доминирующим становится движение пангерманизма, в планах которого значилось отторжение от России Польши, Прибалтики, Финляндии и правобережной Украины. «Натиск на Восток» был важнейшей частью политики еще Первого Рейха Гогенштауфенов и естественно перешел по наследству в политику Рейха Второго.

Было и другое направление во внешней политике объединенной Германии. Его представляла «морская партия» с лозунгом: «наше будущее – на морях». Кайзер Вильгельм II сначала поддерживал эту партию, построил мощный океанский флот и приобрел в конце XIX века ряд колоний в Африке и в Океании. Этот путь неизбежно вел его к конфликту с Британской империей так же, как и натиск на Восток приводил его к конфликту с Россией.

Избежать войны с Германией Россия могла двуединым путем. Во-первых, продемонстрировав военную силу – главный аргумент, который уважали Вильгельм и его милитаристское окружение. Во-вторых, показав свою независимую политику национальных интересов и договориться с Германией о разделе сфер влияния. Здесь требовалась серьезная дипломатическая работа и максимальное использование родственных связей с германскими монархами.

Вместо этого в ходе Японской войны Россия показала военную слабость, провоцируя тем самым и других недругов на нападение. Затем из-за сильной финансовой зависимости от французского капитала, Россия осталась в жесткой военной связке с Францией против Германии, причем в качестве младшего партнера. А. Керсновский возмущался, что Россия подчинилась требованиям французского Генштаба и приняла на себя невыполнимые обязательства (например, наступление на Германию на 15 день войны, в то время, как мобилизация занимала в России не менее 40 дней). Попытка Вильгельма II лично договориться с Николаем II, в 1907 г в Бьёрке закончилась провалом. Российский император сначала под давлением кайзера подписал германский проект договора об оборонительном союзе, а затем через неделю под давлением

профранцузской партии расторг его. В силу нерешительности характера Николай не мог противостоять давлению со стороны и поддавался тому нажиму, который был последним или более сильным. Недавно изданная Н. Стариковым «Переписка Вильгельма II с Николаем II» (состоящая из нескольких сот писем), свидетельствует о том, что кайзер долго и настойчиво пытался договориться с царем «по-хорошему»: о разделе сфер влияния («мы в Европе, вы – в Азии»), о нейтралитете России в планируемой им европейской войне. Николай сильно не спорил с «кузеном Вилли», но и союз с Французами не расторг, и немецких предложений не принял. Обманывал ли кайзер царя, чтобы разбить своих соперников по одному, или искренне желал избежать войны с Россией? – Точно этого мы уже не узнаем.

(Но на самом деле это даже не имело значения. При всей возможной первоначальной искренности Вильгельма вероятная и ожидаемая победа над одинокой Францией вскружила бы ему голову еще больше и только приблизила бы его нападение на Россию).

Избегать войны с Германией завещал и выдающийся государственный деятель, премьер-министр России П. Столыпин, но он не дожил до начала войны. К другим подобным мнениям на этот счет не прислушались.

Кроме планов у лидеров стран, были и свои планы у генштабов европейских армий. Впереди шел Германский генштаб, доказавший свое мастерство блицкригом против Австрии (1866 г) и Франции (1870 г). Традиция Клаузевица и Мольтке была продолжена Шлиффеном, который за два десятилетия до войны составил свой знаменитый план разгрома Франции путем нового блицкрига. Кстати, Шлиффен подробно рассмотрел и возможность нанесения первого главного удара по России и пришел к выводу, что даже после первых успехов и захвата значительной территории в ней можно увязнуть, как и Наполеон.

Блицкриг с Россией заведомо не получался, а затяжная война была Германии не выгодна. Поэтому Шлиффен планировал нанести главный удар по Франции и разгромить ее главные силы за сорок дней. План был красив, но для своего осуществления требовал исполнителей высокого уровня.

Органично дополнял германский план Шлиффена план начальника австрийского генштаба Конрада фон Гетцендорфа. Пока главные германские силы были заняты на Западе, главные силы их союзников – австрийцев должны были обрушиться на русских. Расчет Конрада строился на том, что мобилизация в России не могла быть быстрой (более 40 дней), а в Австрии ее можно было провести за 20 дней. Завершив мобилизацию скорее, австрийский полководец намеревался бить превосходящими силами подходящие из тылов русские резервы по частям. План Конрада был планом австрийского блицкрига против России. В свете таких намерений для России представляли ценность любые союзники против Австрии, прежде всего Сербия, оттягивающие на себя часть австрийских войск.

Австрийский план был добыт русской разведкой за год до войны и лег на стол русского командования. План Шлиффена был добыт французами еще раньше. Знание этих планов российским и французским руководством предопределило принятие политических решений о вступлении в войну.

В Германии после победы над Францией роль генштаба неизмеримо возросла. Мольтке-старший стал национальным героем не менее, чем политический объединитель немцев Бисмарк. Казалось, Мольтке нашел тот волшебный меч-кладенец – план блицкрига и выполняющую его германскую армию – который принесет безусловную победу Второму Рейху. В результате, как отмечал Б. Шапошников, политика страны подчинилась военной стратегии, вместо нормального положения, когда политика ставит задачи стратегии. Стратегия нашла самый эффективный способ войны – блицкриг, политика шла у нее на поводу, становилась агрессивной, изыскивала поводы к

агрессии и к ее оправданию. Большинство историков и современники-военные подчеркивают решающую роль германского и австрийского генштаба в развязывании Великой войны. Именно они, а не какие-то закулисные подстрекатели реально готовили войну и руководили армиями своих стран.

Остановить натиск на Восток, похоже, могло лишь крупное военное поражение ?

Важным было и настроение в германском обществе, особенно в его ведущем национальном слое. Войны с Россией желали атеисты, социалисты и большинство католиков; умеренную позицию занимали протестанты. Социал-демократы продолжали линию Энгельса, ненависть которого к России и славянству впоследствии осуждал даже Сталин. Часть интеллигенции вдохновлялась идеями Ницше, воспевая вслед за Вагнером древнегерманское язычество. «Песнь немцев» с припевом «Германия превыше всего» еще в середине XIX века написал известный сказочник Гофман, а на музыку положил не менее известный композитор Гайдн. Вспышку германского шовинизма и одновременно ненависти к России еще в 1970-е годы наблюдал и описал Ф. Достоевский. Показательным является и манифест 93-х деятелей германской науки и культуры (подписанный среди прочих М. Планком и В. Рентгеном), появившийся вскоре после начала войны в защиту германского милитаризма – защитника германской культуры, содержащего так же грубые выпады против «монгольских орд русских варваров».

Генерал Брусилов приводил в своих мемуарах характерный случай, свидетелем которого он был незадолго до начала Великой войны. На курорте в Висбадене, где он отдыхал, городские власти на площади устроили шоу для гостей из России. Они поставили декорации с московским Кремлем, заиграли гимн «Боже, Царя храни», затем подожгли эти декорации, которые рухнули уже под звуки германского гимна и под ликование немецкой публики. Сам Брусилов сразу понял, что при таких настроениях войны не миновать, и в тот же день уехал в Россию. А вот около двухсот тысяч российских подданных, оказавшихся в Рейхе на отдыхе, учебе или заработках к моменту войны, были интернированы и в большинстве заключены в лагеря для военнопленных.

В основе таких планов и таких настроений лежала несокрушимая уверенность немцев в силах своего Рейха и в своем общем превосходстве, презрение ко всем, кто слабее. Германская промышленность, наука и техника были первыми в Европе к началу XX века. Сильнейшей была армия, а флот лишь немного уступал только британскому. Германия еще не вкусила горечи поражений, и потому была не договороспособной.

Согласно законам стратегии немецкому плану разгрома своих противников по частям страны Антанты противопоставили свои планы одновременных действий с двух сторон. Два фронта против Германии не давали ей добиться решающего превосходства сил ни на одном из фронтов и обрекали ее на затяжную войну, избежать которой завещал еще покойный король Фридрих Великий. Российские моряки также были обеспокоены перспективой остаться один на один с германским флотом, который по боевой мощи превосходил наш Балтийский флот более чем в десять (!) раз и мог, прорвавшись к Петрограду, овладеть столицей и поставить России «детский мат».

Военные соображения оказались решающими в деле вступления России в мировую войну. Отмахнуться от них было невозможно.

Война между родственными монархиями

В последнем письме к императору Николаю кайзер Вильгельм писал: за кого ты заступаешься? За цареубийц-сербов. И против кого? Против своих династических родственников. Вопрос был, действительно, поставлен не праздный. В 1903 г в Белграде в результате переворота сербских военных был убит король Милош из династии Обреновичей, придерживавшийся

германской ориентации. На теле убитого короля обнаружили более 30 сабельных ран, на теле его королевы – более 60. Их обнаженные трупы двое суток толпа волочила по улицам столицы. Убийство короля-германофила одобрил и Белградский митрополит.

В июле 1914 г в Сараево был убит наследник австрийского престола эрц-герцог Фердинанд, опять-таки вместе с женой. Убийством руководила непосредственно сербская разведка. То, что общественное мнение и прошлой, и нынешней Сербии одобряло эти убийства, - это факт. Недавно в Боснии был даже поставлен памятник сараевскому убийце, как национальному герою. Заступаясь за «братушек-беспредельщиков» российская власть колебала собственные монархические устои. Противостояние родственным германским монархиям оказывалось политически чрезвычайно вредным.

Нужно помнить, что прошедшие полтора столетия были ознаменованы дружбой с Пруссией. Императоры Петр III и Павел I были горячими поклонниками короля Фридриха Великого. Фраза императора Александра I, что он «готов воевать ради прекрасных глаз королевы Прусской Луизы», стала афоризмом, хотя и с осуждающим оттенком. Императоры Николай I и Александр II были женаты на принцессах из дома Гогенцоллернов. Браки Александра III с датской принцессой и великого князя Николая Николаевича с черногорской княжной были исключениями, - все остальные великие князья Романовы женились только на немецких принцессах.

Почти половину придворных чинов Российской империи составляли остзейские бароны. Да, они служили в основном добросовестно, но для многих из них это мотивировалось тем, что они одной из трех монархий Священного Союза во главе с германской династией. В старшем командном составе Русской Императорской армии немцы к началу XX века составляли около сорока процентов. Глубоко монархическими по своему воспитанию были и армии Германии и Австрии. Например, Манштейн и Кейтель считали кайзеровское офицерство самым монархическим во всей Европе.

В русской армии среди кадрового офицерства, как подчеркивали и Деникин, и Краснов, засилье немцев среди старшего комсостава не порождало какого-либо антагонизма. Русское кадровое офицерство было одной семьей. Критиковали засилье немцев в основном разночинцы, демократически настроенные выходцы из низов, а также славянофилы. Немецкие дворяне, особенно титулованные, благодаря связям, могли сделать быструю карьеру – и разночинцев это раздражало.

С середины XIX века шел рост русского национального самосознания, становление русской идентичности. Немец-начальник, немец-педагог с палкой или розгой в руках, с высокомерным отношением к русским «варварам» возмущал русского человека. Показателен конфликт будущего генерала Скобелева с воспитателем-немцем, закончившийся потасовкой, и его же долготелная дружба с воспитателем-французом. Как на бытовом уровне воспринимали немца с его «железной волей», красочно изобразил Лесков в рассказе «Железная воля». Вероломная и жестокая политика Бисмарка («железом и кровью») возмущала весьма разных русских людей, таких, как Достоевский, Тютчев и тот же Скобелев. Генерал Брусилов, служивший накануне войны в Варшавском военном округе, вспоминал, что «немецкая партия» в его штабе во главе с командующим, генералом Скалоном, открыто исповедовала, что Россия должна во всем слушаться Германии, а русские должны подчиняться немцам.

В сознании и самих русских немцев на рубеже веков тоже произошел сдвиг. Пока не было единой сильной Германии, они были патриотами Российской империи. Родственный и величественный Второй Рейх, противостоящий России, сильно поколебал этот патриотизм. Мировая война стала серьезным испытанием для русских немцев.

Показательно, что в 1915-16 г при продвижении германских войск по Прибалтике местное курляндское и лифляндское дворянство и бюргерство приветствовало войска кайзера и оказывало

им всемерную поддержку. Таким образом, немецкий вопрос в России накануне войны был в состоянии неустойчивого равновесия, впрочем, как и другие обострившиеся национальные вопросы в колебавшейся империи.

Война с Германией это равновесие нарушила. Немец официально стал врагом, а с германским немцем в глазах широких масс стал ассоциироваться и свой местный немец-начальник. Ген. Брусилов вспоминал, что уже в начале войны даже младшие офицеры спрашивали его: почему мы воюем с немцами, если у нас большинство начальников – немцы? В 1914-15 г в Петербурге, Москве и ряде других городов произошли погромы с грабежами магазинов, принадлежащих немцам. Власти едва успокоили «патриотических погромщиков», не рискнув применить к ним силу, опасаясь перехода на их сторону и солдат. Антинемецкая демагогия широко использовалась и революционными агитаторами.

Правительственная пропаганда не могла противопоставить всему этому ничего убедительного. Германский кайзер, родственник российского императорского дома, «кузен Вилли», почетный шеф ряда российских полков и почетный адмирал российского флота, был объявлен врагом и супостатом. Германская и австрийская монархии объявлены главными врагами России и всего славянства. При этом собственная монархия, не подготовившая страну к войне, воюет со своими родственниками неохотно и неудачно. До обвинения самой династии в измене национальным интересам России отсюда оставался только один шаг.

Пагубным был союз России с Францией и Англией, где давно укрепились либеральные режимы.

С формально-стратегической, даже скажем: военно-картографической точки зрения, союз этот был естественным и вроде бы неплохим, в соответствии с древним немецким же правилом: дружи не с соседом, а через соседа. Мы уже видели, что только такой союз позволял сдерживать Германию в клещах двух фронтов, что было чрезвычайно важно с учетом роста ее амбиций. Германия имела все шансы быстро прикончить Францию, а затем всей силой навалиться на Россию – примерно как она это все и сделала через тридцать лет. Но у военно-политического союза всегда существует не только эта чисто военная часть.

Во Франции с конца XIX века во главе стояли правительства социалистов, устроившие новое гонение на церковь и христианскую веру. Их меры были взяты потом на вооружение большевиками. Церковь была отделена от государства, изгнана из школы и из армии, у нее были отобраны исторические храмы и здания. Офицеров и чиновников, посмеявших венчаться в церкви или крестить детей, увольняли со службы. Французская армия была единственной армией Великой войны, у которой не было военных капелланов. И эта «христоненавистная республика», как ее называли русские правые деятели, была главным союзником Российской империи, причем старшим партнером, постоянно требующим все новых русских жертв для спасения «прекрасной Франции».

В Англии и Франции прекрасно чувствовали себя все российские революционеры-эмигранты: и социал-демократы, и эсеры, и анархисты. Печатали свою подрывную литературу, устраивали школы для революционных кадров, собирали деньги на революцию. Царское правительство почему-то не ставило жесткого условия союзникам о прекращении этой деятельности и депортации преступников на родину. Местная и английская, и французская пресса постоянно травилась русской монархией, как «оплот реакции». Пагубность такого союза для внутренней политики России была очевидна. Перед русским офицерством невольно вставали вопросы: если эти враги нашей монархии не правы, то почему мы их защищаем от немцев? А если они правы, то зачем у нас еще остается такой анахронизм, как монархия?

Исторически еще королевская Франция весь XVIII век была душой антирусских коалиций, подстрекая и финансируя против России и Польшу, и Турцию, и Швецию. Антирусскую эстафету во

внешней политике принял от нее Наполеон, а затем и вернувшиеся Бурбоны. Франция была главной военной силой против России и в Крымской войне. Союз с нею при Александре III был неестественным и неискренним. Франция нисколько не помогла России даже в Японскую войну (например, русские военные корабли не могли заходить во французские порты). С помощью предоставленных кредитов Франция закабалила русское правительство и постоянно навязывала свои решения по политическим и военным вопросам. К сожалению, царское правительство не противостояло этому должным образом. Как полностью зависимую от Франции рассматривал Россию и кайзер Вильгельм, и это его убеждение повлияло на его решение начать войну с Россией.

Не менее противоестественным выглядел и союз России с Британией. Англия обозначила себя врагом России еще при Петре I в конце Северной войны, пытаясь не допустить поражения Швеции, украсть русскую победу. Весь XVIII и XIX век она вела против России «гибридную войну» по всему периметру границ. Почти все враги России: и турки, и иранцы, и среднеазиатские ханы, и кавказские горцы имели британское финансирование, британское оружие и британских советников. Англичане строили на своих верфях японский флот, а их офицеры служили советниками японцев вплоть до Цусимского сражения. Британская разведка поддерживала разных революционеров и сепаратистов, не оставляя своих планов по расчленению Российской империи и во время формального союза первой мировой войны.

К плюсам союза с Британией относилась помощь британского флота – самого мощного в мире по тоннажу и вооружению, а также технические поставки для русской армии. Техническая отсталость России от Европы вынуждала интенсивно закупать оружие и технику за рубежом. Эта зависимость ставила политику России в подчиненное положение по отношению к Антанте. Как подчеркивал Керсновский, главным дефектом России в мировой войне была не ее военная стратегия, а ее политика. Какое-то партнерство с Англией и Францией при уже разразившейся войне было возможным и необходимым, но только при жестком прагматическом подходе, при твердом приоритете национальных интересов. Как писал Керсновский, наша помощь союзникам должна была продаваться по дорогой цене, а не даваться даром. К сожалению, возобладало «донкихотство в пользу Франции» (по выражению Ламсдорфа).

Война, не понятная русскому народу

Первая мировая война, официально объявленная в России Великой Отечественной, к сожалению, не стала таковой не только из-за подрывной революционной деятельности. Для широких народных масс она осталась непонятна и чужда: шла на окраинах империи, не затрагивала собственно русских областей и насущных интересов русского населения. Многим был чужд лозунг «за братьев-славян». Генерал Брусилов вспоминал, как солдаты спрашивали его в начале войны: почему мы воюем с австрийцами за сербов, если эти сербы убили наследника австрийского престола? Славянофильский девиз «за братьев славян» здесь явно расходился с монархическим воззрением.

Данные, приводимые генералом Деникиным, многое объясняют. Из призывников русской армии в годы перед войной около 40% были полностью неграмотны, из остальных большинство едва закончили пару классов церковно-приходской школы. Пятая часть призывников до службы в армии не ели мяса, и не из-за аскетизма, а по причине нищеты. М. Меньшиков приводит данные о резко возросшем проценте среди призывников лиц, физически негодных для службы, особенно среди фабричных рабочих. Историки крестьянского вопроса отмечают, что продовольственное обеспечение среди крестьян после отмены крепостного права значительно ухудшилось (население возросло, а урожайность осталась прежней, да и самих земледельцев стало меньше: подались в

рабочие). Крестьянин времен императрицы Екатерины мог позволить себе мясную пищу три раза в неделю, а в начале XX века – едва один раз. Для бедных и безграмотных людей, занятых физическим выживанием, все их природные понятия о патриотизме могли быть легко выбиты социально-революционной пропагандой, обещающей сытость и счастье.

Парадоксальным образом к бедным слоям населения относилось и младшее армейское офицерство, мелкое чиновничество и приходское духовенство, особенно сельское. Те сословия, которые были опорой государственного аппарата, в массе своей жили бедно, на минимальное жалование. О тяжелом материальном положении армейского офицерства шли дискуссии на страницах журнала «Разведчик», где сотрудничали те же Деникин и Краснов; о нем же вспоминал и Куприн уже в эмиграции. О положении приходского духовенства писала церковная печать. Но ситуация особенно не исправлялась.

Деникин приводил такие примеры из своей службы. Раз перед смотром начальства ротный фельдфебель поменял местами в казармах картины. В результате, отвечая на вопрос, что здесь изображено, вся рота перепутала крещение Руси с переправой через Дунай. История России, ее славные страницы были известны немногим из простого народа. Большим патриотизмом отличалась как раз учащаяся молодежь, давшая добровольцев и мировой, и гражданской войны.

Степанов, переживший оборону Порт-Артура, повествует, как вечером солдаты собирались вокруг ротного грамотея, который читал им вслух «Конька-горбунка», сказки Пушкина и другие книги, почитаемые сейчас детскими. В образовательном уровне масса народа находилась еще в детском возрасте, воспитанная на сказках и мифах, не способная критически оценивать всякое печатное слово. Поэтому такие люди и были весьма восприимчивы к революционной пропаганде, построенной именно на мифах о некоем светлом будущем. Кстати, часть «охранителей» считала, что монархия и должна стоять на трех китах: невежестве, бесправии и нищете основной массы народа, – как оно и бывало в восточных деспотиях. Хотя и в них жизнь показывала, что невежественные, бесправные и нищие подданные не были надежными защитниками монархий. Со времен греко-персидских и римских войн известно, что такие деспотии проигрывали армиям, состоящим из мотивированных граждан. У нас же считалось, что всякий простолюдин по «природе» есть и православный, и монархист, и патриот, а потому слишком стараться о его воспитании незначет. Жестокая реальность разбила такие иллюзии.

Все познается в сравнении. Армия Германии, состоящая из патристически воспитанных немцев вынесла тяготы более чем четырехлетней войны, и, хотя не избежала поражения, но зато избежала ужасов революции и гражданской войны. Так получилось именно потому, что еще за семьдесят лет до войны германская система обучения и воспитания и прежде всего, школьный учитель (которого Бисмарк называл объединителем Германии) день и ночь ковали из «Михелей-пивоваров» и «Карлуш-колбасников» патриотов германского Рейха. Армия Франции также, хотя и со скрипом, держала фронт, вдохновляемая своим патриотизмом, несмотря на интенсивную работу революционеров и пораженцев. При этом число убитых и раненных на тысячу мобилизованных и у немцев, и у французов было больше, чем у нас. Значительно хуже было у них и с продовольствием: уже с осени 1914 г там были введены продовольственные карточки.

Интересен пример и британской армии, приводимый Лиддел Гартом. Кадровая сухопутная британская армия, численностью в 160 тысяч человек, сгорела в боях осенью 1914 г. Новая 3,5-миллионная армия формировалась из британских обывателей, не бывших никогда в строю. Она не имела нужного количества грамотных офицеров, мало-мальски умелых солдат, и, по словам самой британской прессы, была «посмешищем всей Европы». Несмотря на хорошее техническое оснащение, она раз за разом проводила провальные «мясорубочные» операции против немцев. Потери Британии за Первую Мировую войну составили полтора миллиона человек и стали

рекордными за всю историю страны. И тем не менее, британский патриотизм сцементировал англичан, не дал их армии разложиться, предохранил ее от революционной пропаганды, довел до победы.

Причиной же разложение русской армии стало именно отсутствие в массах сознательного патриотизма. Генерал Краснов приводил случай, который ужаснул его еще во время Японской войны. Подвозивший его питерский извозчик сказал ему: «а нам что наш Микола, что японский микадо, кто даст нам землю и волю, за того мы и будем». Известны высказывания солдат 1917 года, разбегавшихся с фронта: мы тамбовские, мы саратовские, до нас немец не дойдет. К началу 1917 г в стране насчитывалось около 600 тысяч дезертиров. Около 2,2 млн сдалось в плен, т. е. на одного убитого или умершего от ран приходился один пленный. Для сравнения: во Вторую мировую войну в советской армии один пленный приходился на двух убитых. И в гражданскую войну лозунг «за единую великую и неделимую Россию» тоже не нашел широкого отклика в массах.

И Краснов, и Деникин отмечали, как мало русское командование уделяло внимания патристическому воспитанию не только солдат, но и офицеров. Господствовало правило: прикажут – и все равно пойдут. Это правило работало с кадровой армией, где автоматически выполнялись любые приказы. Но когда место выбитой кадровой армии заняло немотивированное и недисциплинированное народное ополчение, это правило работать перестало.

Была ли Россия готова к мировой войне?

Участники войны на этот вопрос отвечают примерно так. Русская кадровая армия была готова к короткой, не более полугода, кампании. Россия, как государство, с ее системой власти, социальным устройством и настроением общества к длительной, тем более тотальной, войне готова не была.

Кадровое русское офицерство, как отмечали Краснов и Деникин, по уровню своего военного образования не уступало германскому и стояло выше австрийского и французского. Тактическая и огневая подготовка на полковом уровне была высокой. Неудачный опыт Японской войны был учтен и усилено исправлен. Удалось внести необходимые изменения в боевые уставы, в систему подготовки офицеров и унтер-офицеров. Высокий уровень боевой подготовки русской армии в полковом звене показали уже первые бои 1914 г. Но хуже обстояло дело на более высоком уровне командования. Как выразился один из военных историков, Россия вступила в войну «с отличными полками, удовлетворительными дивизиями и неудовлетворительными армиями».

Генералитет, особенно самый высший, был подготовлен слабее германского противника искусству управления крупными соединениями. Это тоже сказалось уже в первых боях. По выражению Керсновского, мировая война «ознаменовалась для русской армии блестящими подвигами корнетов и блестящими возможностями, упущенными генералами». При этом многие неспособные генералы имели сильную протекцию при дворе, которую не могли поколебать даже понесенные ими поражения. Способные же военачальники, не имевшие протекции, прозябали на второстепенных должностях. Обычно война как бы сама выдвигает талантливых командиров, «людей боя», и отбраковывает неспособных, «людей парада». К сожалению в русской армии тех времен эти «лифты» работали плохо, обновление высшего комсостава почти не шло, в отличие, например, от эпохи наполеоновских войн, где выдвижение новых командиров императором Александром сыграло важную роль в достижении победы.

Роль высшего командования в войне является решающей. Бонапарт сказал правду: «не сама по себе македонская фаланга дошла до Индии, но Александр, не сами по себе римские легионы завоевали Галлию, но Цезарь». И еще его же известный афоризм: «войско из львов под

командованием барана менее боеспособно, чем войско из баранов под командованием льва». Пожалуй, главной проблемой большинства русского генералитета, и всего правящего слоя России перед революцией, была атрофия воли, нерешительность, колебания, боязнь ответственности за принятие решений. Деникин в книге «Старая армия» приводил примеры, как грамотные, порядочные и по-человечески привлекательные начальники из-за нерешительности своей губили вверенное им дело. Таковыми были, например, командующие фронтами на западе: Иванов, Эверт, Куропаткин. И совсем не таким Юденич на Закавказском фронте, где и был наибольший успех.

Крупный русский военный теоретик, бывший начальником Академии Генштаба (и учителем военного дела для будущего императора Николая) генерал Драгомиров по этому поводу писал: «Кто искусен и решителен, тому теория впрок, кто не искусен, но решителен, достигнет цели, дорогою ценою, но достигнет; кто же не решителен, хотя бы и был теоретически осведомлен, тот ничего не достигнет. Тот, кто колеблется, всегда рискует быть побитым, потому что, вследствие колебаний, он ничего не способен делать, между тем, как противник действует. Неспособный решиться похож на человека со связанными руками, с которым всякий может делать, что хочет. Поэтому в военном деле самое опасное – это ни на что не решаться; самое дерзкое, хуже – самое необдуманное предприятие не представляет такого ущерба, как нерешительность. Из всех деяний человеческих война есть дело в значительной степени более волевое, чем умовое». Наполеон сравнивал личные качества полководца с равнобедренным треугольником, боковые стороны которого суть знание дела и интуиция, но в основании лежит именно твердая воля.

Нерешительные русские полководцы упустили немало возможностей нанести немалое поражение противнику и тем переломить ход войны. Например, летом 1916 г другими фронтами не было поддержано успешное наступление Юго-Западного фронта и тем самым оперативный успех не превратился в стратегический. Широко был распространен «синдром Куропаткина», грамотного, но нерешительного полководца, умеющего только отступать, но неспособного наступать и побеждать. Не умея побеждать сами, такие полководцы не верили в победу вообще и заражали пораженческими настроениями и своих подчиненных.

Важнейшей причиной неудач и огромных потерь России в Мировой войне было превосходство Германии во всех видах оружия и материального снабжения. Хотя Бонапарт и считал, что «на войне моральный фактор соотносится с материальным, как три к одному», но через сто лет после него эта оценка нуждалась в серьезной корректировке. Индустриализация России, промышленный рывок вперед, на необходимость которого еще в 1890-е годы указывал С. Витте, так и не состоялась. По уровню промышленного развития Россия к началу войны находилась только на 7-м месте в мире. И вот результат.

В обороне у немцев проволочные заграждения насчитывали от 8 до 20 рядов, - на них всегда погибало огромное количество русской пехоты. У нас колючки стояло один-два ряда. У немцев широко применялись бетонированные укрепления и землеройная техника, у нас только древесно-земляные сооружения. Не хватало даже малых саперных лопат, не говоря уж о проволоке и бетоне. Немецкая пехотная дивизия имела превосходство над русской дивизией в гаубичной артиллерии в шесть раз, в пулеметах – в четыре раза. Дальнобойная гаубичная артиллерия молотила русские позиции, нанося огромные потери. А русские артиллеристы, несмотря на хорошую подготовку, не могли их достать из своих «трехдюймовок». Немецкие пулеметы косили цепи отличных русских стрелков. Немецкая промышленность с середины войны выпускала ручные пулеметы, пистолеты-пулеметы, а русская все еще выпускала «трехлинейки» и бельгийские револьверы «наган». Россия вступила в войну, имея всего четыре завода по производству винтовок и четыре пороховых завода, построенных еще при Петре и Екатерине. Очевидно, что эти заводы не могли снабдить оружием многомиллионную армию. К началу 1915 г. запасы винтовок, снарядов и

патронов истощились, что привело к губительному отступлению. Пришлось срочно закупать винтовки японского, канадского, итальянского производства, собирать трофейные австрийские «манлихеровки». Ополченские дружины вооружались даже «берданками» времен турецкой войны 1877 г.

М. Оськин приводит данные, что даже к началу наступления 1916 г в русских войсках станковых пулеметов было меньше, чем в 1914 г. Правда, было еще некоторое количество ручных пулеметов, поставленных союзниками, систем Льюиса, Кольта и Шоша. Но собственная промышленность не могла восполнить понесенные потери в оружии даже на третьем году войны. В результате фронт Брусилова наступал на австрийцев, которые превосходили русских по пулеметам втрое, а по гаубичной артиллерии – вчетверо! Естественно, это неравенство в оружии оплачивалось большой кровью. Не говоря уже о том, что противник в течение всей войны превосходил русских в производстве и снабжении войск боеприпасами. Например, в несчастном 1915 г во время «великого отступления» русская артиллерия на десять вражеских выстрелов могла ответить лишь одним. Генерал Деникин вспоминал, как самые тяжелые дни в своей обширной военной биографии, десять дней в мае 1915 г под непрерывным огнем врага, на который нечем было ответить. Такое безответное избиение страшно деморализовало войска. От полного разгрома русскую армию тогда спасла только доблесть последних кадровых офицеров и унтеров.

Стоит упомянуть и о плачевном положении с радиосвязью. Россия – родина радио, изобретенного А. Поповым, не могла наладить производство собственных радиостанций. Импорт их из Германии прекратился с началом войны. Пользование русским командованием радиосвязью без необходимого шифра, как известно, привело к августовской катастрофе 1914 г в Восточной Пруссии: немцы перехватили радиосообщения и устроили армии Самсонова окружение. Но и до конца войны удовлетворительно наладить радиосвязь в армии не удалось. Хотя рядом, на Балтийском флоте, благодаря английской помощи, была хорошо налажена радиосвязь и радиопеленгация, но опыт моряков не использовался сухопутным начальством.

Главным фронтом для Германии был западный, где была сосредоточена основная часть германской авиации. Но и на восточном фронте немцы в течение всей войны имели подавляющее превосходство в авиации. Перед началом Брусиловского прорыва и во время его в воздухе господствовала немецкая авиация. Доблесть русских авиаторов не могла компенсировать численного превосходства германских аэропланов. Основой авиапарка русской авиации были уже устаревшие и подержанные английские и французские самолеты, уступавшие по характеристикам немцам. Хороший по тому времени отечественный бомбардировщик «Илья Муромец» был выпущен в количестве шести десятков за всю войну. Но и у него не было двигателей российского производства. Поставляемые союзниками аэропланы собирались в каких-то кустарных мастерских. Собственное авиастроение в России отсутствовало, а на Западе к концу войны в небе воевала уже не одна тысяча самолетов.

В начале войны Балтийский завод в Петрограде представил собственный образец броневедомоги, который хорошо показал себя, как средство поддержки пехоты. Но таких броневедомог было выпущено менее сотни за всю войну, так что они не могли сильно повлиять на исход боев. Между тем у немцев не только броневедомог было в несколько раз больше, но и значительная часть пехоты передвигалась уже на мотоциклах и велосипедах, снабжение доставлялось в большой степени автотранспортом. У русских импортные грузовики были редкостью.

В 1915 г русские изобретатели: Пороховщиков, Менделеев, Лебедев независимо друг от друга представили свои проекты гусеничных броневедомог – первых танков. Конечно, эти образцы были еще «сырыми», нуждались в доработке, но их перспективность была уже очевидна. Вместо

собственной доработки военное ведомство России просто отдало эти проекты англичанам, которые использовали их при разработке собственного танка, вышедшего на фронт уже в сентябре 1916 г. Тысячи танков в 1918 г переломили исход боев в пользу Антанты. Аналогично и в 1890-х годах получилось с изобретенным Д. Менделеевым бездымным порохом. Высокие сановники передали эту технологию американской фирме, а затем, заключив контракт, покупали у этой фирмы менделеевский порох. Оборонные русские технологии запросто уплывали за рубеж, при этом их стоимость даже не шла в зачет многомиллионных долгов России за военные поставки Антанты. Вот где уместен вопрос Милюкова: это глупость или измена? В условиях войны халатность и безделье всегда становятся преступлениями, но, к сожалению, тогда они никак не наказывались.

Можно еще долго перечислять перспективные изобретения русских конструкторов Первой мировой войны: гидросамолет Григоровича-Поликарпова, подводный минный заградитель «Краб», автомат Федорова, ранцевый парашют Котельникова и многое другое.

Эти новые виды вооружения, которые при серийном выпуске могли бы изменить ход войны в пользу России, были изготовлены буквально поштучно. С одной стороны, это было результатом слабости русской промышленности, которая не сумела освоить новые виды продукции. Но с другой стороны, даже то, что было вполне возможно, блокировалось халатностью высоких чиновников, с которых никто особо не требовал, а им самим ничего этого было не нужно. Эта атмосфера расхлябанности и наплевательства на государственные дела, царившая в верхах накануне революции, более всего возмущала русских патриотов-энтузиастов в разных отраслях. Они что изобретали и предлагали для победы России в Великой войне, а наверху все это встречало ледяной равнодушный прием. Деникин отмечал, что военное начальство очень не любило всяких новаторов и рационализаторов, обзываемых то «беспокойными людьми», то даже «младотурками». Митр. Антоний (Храповицкий) приводил аналогичную реакцию церковного начальства словами митр. Флавиана Киевского: «чтобы сделать хорошую карьеру, ничего особенного делать не надо, никакие инициативы не приветствуются».

В эмиграции некоторые из бывших сановников обвиняли своих оппонентов в масонстве, что, дескать, эти «беспокойные люди» погубили Россию своими инициативами. Факты, однако, говорят об обратном: погубили Россию те, кто во время великих испытаний ничего не делал, и те, кто не спрашивал за такое бездействие. А. Чехов сказал крылатую фразу про уходившее с исторической сцены русское дворянство: «сидят, пьют чай, а за окном рушится жизнь». Точнее будет слегка перефразировать: за окном, в огне мировой войны рушилась жизнь, а правящий класс спокойно «пил чай».

Затяжная война с огромными потерями

По причиненным людским потерям Первая мировая война совершенно несравнима с предыдущими войнами во всем мире. Потери России в Крымской, Турецкой (1877-78 г), и Японской войнах убитыми и умершими от ран и болезней колебались возле 200 тысяч человек в каждой. В Великой же войне Россия потеряла (по данным А. Керсновского) почти два с половиной миллиона убитыми и умершими (из них около 200 тысяч умерло в плену), 2,2 млн – пленными, 1,5 млн. – инвалидами. Очень большой процент потерь составили умершие от ран и болезней. Санитарная служба в русской армии опять оказалась не готова к такому количеству раненных. Брусилов пишет, что подвод для раненных и перевязочных материалов не хватало уже с первых боев, не говоря уже о более серьезных медикаментах. Краснов рисует картины полевых госпиталей, знакомые по описаниям Крымской и Турецкой войн, где на земле, на грязной соломе лежали сотни кое-как перевязанных раненных, и где на простую операцию брали только двух-трех человек из ста.

Положение в этой области отчасти выправила помощь русской общественности. Тысячи женщин и девушек добровольно пошли в сестры милосердия, общественные организации и земства собирали вещи для раненных и сформировали санитарные поезда для эвакуации. Известна работа Императорского поезда Красного Креста, где сестрами милосердия самоотверженно работали сама Императрица Александра Федоровна и ее старшие дочери Ольга и Татьяна, а также Союза Михаила Архангела (Пуришкевич) и Союза Русского Народа.

Тем не менее, общественная помощь не могла заменить государственной организации дела. Решающей была нехватка врачей и отсутствие собственной фармацевтической промышленности. Россия в 1913 г на 170 млн. населения имела только 24 тысячи врачей. СССР в 1941 г имел 320 тысяч врачей, поэтому процент возвращенных в строй раненных солдат достиг 68%, что составило рекорд Второй мировой войны, а кроме того это позволило избежать массовых эпидемий. В Первую же мировую войну, особенно на Кавказском и Румынском фронтах, началось распространение тифа и дизентерии, достигших апогея в гражданскую войну.

В результате обширных потерь, как отмечал генерал Краснов, к началу 1917 г изменился возрастной состав армии. Вместо наиболее боеспособного контингента в возрасте от 20 до 30 лет, большинство теперь составляли или семейные люди старше 35 лет, или молодежь 18-19 лет. Ни те, ни другие рисковать жизнью не желали, дисциплины не знали и представляли собою массу, благоприятную для распространения пораженческой и революционной пропаганды. Особую опасность представляла гибель кадровых унтер-офицеров, цементирующих армию. В 1914 г унтер-офицеров брали в армию рядовыми, в полках они составляли от 50 до 75% - и были выбиты. В германской армии кадровых унтер-офицеров оставляли в тылу, помогать формированию новых частей, - и сохранили армию.

Еще более катастрофично обстояло дело с офицерским составом – арматурой армии. В 1914 г офицеров в роте насчитывалось 5-7 человек, вместо трех по штату, и они погибли в боях. В 1915 г их было уже по одному человеку в роте, да и то не везде, многими ротами командовали унтера. К началу 1917 г доля кадрового офицерства упала до двух-трех процентов, считая призванных из отставки стариков. Основную массу русского офицерства к началу 1917 г составляли «офицеры военного времени»: студенты и гимназисты, кончившие четырехмесячные школы прапорщиков. Большая часть этих юношей была настроена патриотически и честно выполняла свой воинский долг. Монархических взглядов среди них, конечно, придерживалось меньшинство, но это касалось только дискуссий в офицерских собраниях. Важнее было то, что как подчеркивает Краснов, эти офицеры не умели поддерживать дисциплину, не умели держать своих рот в руках, как кадровые строевики, тем более, не имея помощи со стороны унтер-офицеров. Вывод Краснова тот, что такая армия не была способна побеждать дисциплинированного, грамотного и технически превосходящего противника, каковым оставался немец.

Создание солдатских комитетов при временном правительстве, конечно, довело разложение армии до полного конца. Однако разговоры о том, что если бы не февральский переворот, то в 1917 г могла быть полная победа в войне – это пустые домыслы. Та армия, тот офицер и солдат, которые были способны победить немцев, давно сгинули в боях 1914-16гг. Последняя опора монархии – гвардия, включенная в Особую армию, была беспощадно истреблена в августовско-сентябрьских боях 1914 г на реке Стоход.

Итак, оставшиеся под ружьем 7 млн. мобилизованных российских обывателей, не желавших воевать и недовольных властью, были крайне опасны для российской монархии. Краснов настаивает, что последний шанс для спасения монархии и страны от революции заключался в немедленном заключении сепаратного мира с Германией зимой 1916-17 гг и в демобилизации этого плохо управляемого народного ополчения. Этот последний шанс был упущен. А эти семь

миллионов вооруженных людей из разложенной бывшей армии гарантировали стране гражданскую войну.

Зависимость России от Антанты

В ходе войны зависимость России от Антанты – и политическая, и экономическая, и военная – все возрастала. А. Керсновский отмечал, что подписанный в сентябре 1914 г Лондонский протокол фактически обрекал русское командование на подчинение союзникам. Для спасения Франции предпринимались неподготовленные и неудачные операции, например, восточно-прусская операция (август 1914), на Юго-Западном фронте (декабрь 1915 г), на Северном фронте у озера Нерочь (март 1916 г), на Румынском фронте (осень 1916). Операции эти не имели для русских никакого смысла, а только оттягивали часть немецких сил с их западного фронта. Мало того, Антанта добилась еще отправки одного русского корпуса под командованием генерала Баратова на Месопотамский фронт в помощь англичанам, другого во Францию и на Салоникский фронт.

История экспедиционного русского корпуса во Франции весьма трагична и показательна. Французы бросали его в самые гиблые места, сзади ставили заград-отряды из сенегальских стрелков и не отпускали домой в Россию до конца 1918 г. Из этого корпуса в живых осталась десятая часть. Иными словами французы обращались с русскими союзниками, как со своими колониальными войсками. Недаром с 1916 г. в русской армии стала распространяться поговорка, что союзники готовы воевать с немцами до последнего русского солдата.

Антанта вмешивалась и в планы русского командования на Восточном фронте. Например, к началу 1916 г начальник штаба Ставки генерал Алексеев представил продуманный план Кампании с нанесением главного удара по Австро-Венгрии и выведением ее из войны. Но под давлением французов главный удар спланировали против Германии. К сожалению, император Николай, как Верховный Главнокомандующий, не смог отстоять перед союзниками даже план своего начальника штаба.

Возмущение русской патриотической общественности вызывало и то, что пролитая русская кровь, в том числе и за пределами России в интересах союзников, не шла в зачет русских долгов за военные поставки Антанты. Русские потери росли, - и росли русские долги. По данным проф. Катасонова, к 1917 г внешний долг России уже превышал годовой ВВП, что означает состояние, близкое к банкротству. При этом значительная часть золотого запаса империи уже ушла в западные хранилища, т.к. Антанта требовала предоплаты (в отличие от еще предстоявших поставок по ленд-лизу, которые отпускались в кредит). Неумение русского правительства отстаивать национальные интересы перед союзниками не имеет никаких извинений. А. Керсновский приводит для сравнения, как продавали свою помощь Антанте Италия или Румыния. «Благородство» к нагловатым союзникам оборачивалось другим концом к своим солдатам и налогоплательщикам. Национальный суверенитет в ходе такой политики явно умахлялся.

Нежелание ввести «диктатуру тыла»

Царское правительство оказалось неспособным провести мобилизацию всей страны для победы в войне. Необходимые мобилизационные мероприятия совершались с большим опозданием или не совершались вовсе. Во всех европейских странах в первые же недели войны был мобилизован для нужд армии и флота сухопутный и морской транспорт. Известно, как в сентябре 1914 г мобилизованные парижские такси перевезли на фронт в районе Марны несколько дивизий, сыгравших решающую роль. У нас немногочисленный автомобильный и огромный гужевой

транспорт, оставаясь в частных руках, мешал переброске войск, загромождал дороги. Тысячи повозок и десятки тысяч лошадей были брошены при отступлении 1915 г.

Железнодорожные вагоны были забиты сотнями тысяч беженцев из западных губерний и десятками тысяч евреев, принудительно эвакуированных в тыл в начале войны из прифронтовой полосы. В вагонах они жили всю войну, в то время как для перевозки военных грузов вагонов не хватало. К концу 1916 г на российских железных дорогах не хватало и локомотивов. В результате противник мог перебрасывать свои войска по железной дороге в несколько раз быстрее русских.

В качестве гастарбайтеров для тыловых работ царское правительство завезло около 600 тысяч китайцев. В тыловых лагерях скопилось около 2 млн. пленных, в основном австрийских и венгерских. Известно, что во время Гражданской войны отряды из китайцев, венгров и прочих «интернационалистов» составили ударные карательные силы большевиков.

Во всех европейских странах с осени 1914 г были введены продовольственные карточки; государство взяло на себя жесткий контроль за распределением продовольствия для населения. Лиддел Гарт приводит пример Британии. Дважды в 1916 и 1917 г из-за неограниченной «подводной войны» (ЛУЧШЕ: из-за действия германского подводного флота) со стороны Германии во всей Британии оставалось продовольствия не более, чем на месяц. Но четкий государственный контроль за ситуацией не допустил спекуляции и беспорядков, - именно для этого и необходима была карточная система распределения продуктов. На голодном пайке всю войну просидела и сама Германия, придумавшая «эрзац-хлеб», «эрзац-кофе» и подобные заменители. И тоже, благодаря твердой руке государства не допускала спекуляции и беспорядков. Во всех европейских странах однозначно на время войны были запрещены митинги, забастовки, демонстрации, введена жесткая цензура в прессе.

Россия на этом общем фоне европейских «демократий» выглядела весьма странно. Продовольственные карточки так и не были введены, что и послужило поводом для беспорядков в Петрограде в феврале 1917 г. Политическая оппозиция не была запрещена, строгая цензура печати отсутствовала. Неудачи на фронте раздувались печатью, обрастали слухами. Тыл, а не фронт был самым гнилым и слабым местом России во время Мировой войны. Принцип: «все для фронта, все для победы», так и не был реализован. Гуляние почтенной публики в ресторанах типа «Яр» и «Астория», где никогда не знали сухого закона, введенного для остального населения, - наглядная тому иллюстрация.

Начальник штаба Ставки генерал Алексеев дважды, весной и осенью 1916 г ставил вопрос о необходимости введения «диктатуры тыла», но получил отказ. На роль «диктатора тыла» Алексеев предлагал великого князя Николая Николаевича, которого Царская Чета подозревала в поползновениях на власть. В результате жизненно необходимый вопрос не был решен из-за разногласий внутри династии.

Обогащение дельцов и обнищание народа

Отсутствие государственного контроля над частной экономической инициативой открывало широкие возможности для обогащения разным дельцам, аферистам и казнокрадам. На военных заказах многие сколотили целые состояния. Крупная буржуазия наживалась на поставках в армию, мелкая спекулировала продовольствием и подпольным алкоголем. Российская буржуазия никогда особо не отличалась патриотизмом, ни теперь, ни тогда. Чуть позже во время Гражданской войны белые генералы, так и не получившие от этой буржуазии никакой помощи, с горечью говорили: «у нас нет Мининых». Но это была та самая буржуазия, которая вошла во вкус наживы во время Великой войны.

При этом широкие народные массы во время войны серьезно обеднели. Особенно это сказалось на положении крестьянства центральной России. Мобилизация мужиков в армию лишила крестьянские хозяйства большей части рабочих рук. С 1915 г власти провели изъятие для армии из крестьянских хозяйств каждой второй лошади, что тоже ударило по крестьянам, переводя их в разряд бедняков.

Стоит отметить, что накануне войны из 170 млн. населения Российской империи собственно великороссы составляли 45% населения, еще 15% - малороссы и белорусы. Именно они несли на себе основную тяжесть налогов и воинской повинности. Остальные инородцы имели разные льготы. Попытка переложить и на них хотя бы малую часть тягот войны привела, например, в 1916 г к большому восстанию казахов и киргизов в Туркестане, сопровождавшемуся истреблением русских поселенцев. Война особенно тяжело сказалась на положении именно русского народа, принесшего почти все жертвы войны и не понимавшего смысла этих жертв. Особенно возмущало возрастающее социальное и национальное неравенство и несправедливость.

Между тем, крупные дельцы нагнали от безнаказанности. Стоит упомянуть «дело сахарозаводчиков» - еврейских торговцев во главе с биржевиком Д. Рубинштейном, близким к Распутину. Этим делом занималась контрразведка Северо-Западного фронта, возглавляемая генералом Батюшковым. Контрразведка уличила группу Рубинштейна в хищениях на многие миллионы рублей, военный суд Петрограда приговорил их к заключению на 10-12 лет. Но по ходатайству Императрицы, как близкие к Распутину, все они были в декабре 1916 г отпущены на свободу. Этот случай серьезно дискредитировал Императора, показав его несамостоятельность. Вместе с другими подобными историями «дело сахарозаводчиков» подорвало доверие генералитета к Императору. При таком попустительстве тыловым хищникам невозможно было добиться победы. Общественное мнение, и левое, и правое, не желало с этим мириться.

Можно вспомнить и историю дворцового коменданта Воейкова, который во время войны в своем имении Куваки Пензенской губернии построил завод минеральной воды, провел туда железнодорожную ветку. Во время войны начальник охраны Царя занимался бизнесом! Это возмутило лидера правых в Государственной думе В. Пуришкевича, который с думской трибуны назвал его «генералом от кувакерии». При виде такой картины попустительства и бездействия со стороны верховной власти у самых старых и преданных защитников монархии опускались руки.

Ни победы, ни мира

Общественное мнение сильно колебалось в зависимости от событий на фронте. Успех наступления Юго-Западного фронта в мае-июне 1916 г сильно воодушевил русскую общественность. Генерал Брусилов вспоминал, что он получил несколько тысяч телеграмм от различных общественных организаций и частных лиц с приветствиями и благодарностями. Патриотический подъем июня 1916 г, безусловно, исключал революционные настроения. Но успех Юго-Западного фронта не был поддержан и закреплен другими фронтами – и патриотический порыв к осени уже угас. А между тем, только весомая победа, означающая коренной перелом в войне, могла предотвратить революцию.

Был у российской власти и другой путь – непопулярный, вызывающий обвинения общественности, и потому требующий гражданского мужества. Это – путь компромиссного сепаратного мира. Непопулярный Тильзитский мир заключил в 1807 г император Александр I с Наполеоном. Невыгодный Парижский мир подписывал Александр II с Наполеоном III в 1856 г после Крымской войны. Оба государя действовали в национальных интересах, рискуя своей личной

репутацией – и история их оправдала. Они добились мирных передышек для своей страны, избавили ее от новых потерь и внутренних потрясений.

Была ли такая возможность и у императора Николая в Великой войне? Князь Жевахов, имевший в 1920-х годах откровенный разговор с бывшим начальником германского генштаба Людендорфом, свидетельствует: Германия трижды (в декабре 1914, в ноябре 1915 и в ноябре 1916 г) предлагала России сепаратный мир на более или менее приемлемых условиях. Все три раза российская власть отказалась. Тогда Германия взяла курс на поддержку антиправительственного переворота, финансируя революционные партии. Конечно, остается вопросом: выполнила бы Германия условия этого мира, разъединив своих противников и добившись победы на Западном фронте (а это почти несомненно)? Как восприняло бы российское общественное мнение этот сепаратный мир после стольких потерь и заявлений о войне до победного конца? Уже был опыт неудачного Портсмутского мира с Японией в 1905 г, когда толпы демобилизованных и деморализованных солдат устраивали бунты по всей стране.

Но уже к концу 1916 г Россия находилась в таком состоянии, что уже не могла рассчитывать на победу. Народу тоже был нужен мир любой ценой и расход по домам. Кадровая армия и гвардия была уже выбита, вместо них было 7-миллионное народное ополчение, мало боеспособное и разлагаемое пораженческой пропагандой. В победу не верили и придворные прогерманские круги, которые желали сепаратного мира с Германией, но не имели твердости провести такое единственно спасительное решение в жизнь. Продолжения войны могла желать от России только Антанта, которая уже выжала из нее все соки и готовилась ее бросить. Но главное, отсутствовала твердая державная воля власти в духе Петра I или Николая I, ощущаемая всей страной и предохраняющая ее от распада.

В такой ситуации натиск темных закулисных сил делал русскую катастрофу неизбежной.

Литература

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания, М. 2014
2. Бондаренко В.В. Герои первой мировой, М. 2013
3. Деникин А.И. Очерки русской смуты, М. 2004
4. Деникин А. И. Старая армия. Офицеры, М. 2005
5. Деникин А. И. Путь русского офицера, М. 2005
6. Керсновский А.А. История русской армии, т.3,4, М. 1994
7. Керсновский А. А. Философия войны, М. 1994
8. Краснов П. Н. От двуглавого орла к красному знамени, М. 2000,
9. Краснов П. Н. Накануне войны. Воспоминания об императорской армии, 2004
10. Лиддел Гарт Г. Б. Правда о первой мировой, М. 2010
11. Лиддел Гарт Г. Б. Стратегия непрямых действий М. 2014
12. Оськин М. Брусиловский прорыв, М. 2010
13. Оськин М. Крах конного блицкрига, М. 2013
14. Меньшиков М. О. Письма к ближним, М. 1999
15. Цветков В. Ж. Генерал Алексеев, М. 2014
16. Под ред. Старикова Н. Переписка Вильгельма II с Николаем II
17. Шапошников Б. М. Мозг армии, М. 2016
18. Яковлев Н. Н. 1 августа 1914, М. 1994.